

К.Н. Батюшков

ПРОЛОГ И ЭПИЛОГ ТВОРЧЕСТВА
(Об истоках религиозности)

Определение начала поэтической деятельности К.Н. Батюшкова обычно связывают с волей самого поэта, прижизненный сборник которого «Опыты в стихах и прозе» (1817) открывается посвящением «К друзьям» (1815), а основная часть — стихотворением «Надежда» (1815)¹. Батюшкову хотелось, чтобы так начинали читать его поэтические создания. В первой же части сборника, в которую вошла проза, сперва печаталась «Речь о влиянии легкой поэзии на язык, читанной при вступлении в “Общество любителей Российской словесности в Москве 17 июля 1816 г.”». Однако указанные годы отнюдь не означали начальный, а скорее период расцвета творчества, близящегося к завершению. В том случае, когда печатание стихотворений осуществлялось в хронологическом порядке, на первое место выносят либо стихотворение «Мечта» (Л.Н. Майков датирует первую редакцию 1802—1803 гг.; А.Л. Зорин и А.М. Песков так же датируют и печатают во втором разделе книги в качестве первого стихотворения), либо «Послание к стихам моим» (1804); так делает В.А. Кошелев, датируя «Мечту» 1804—1805 годами, что представляется убедительным. Составитель ссылается на письмо Батюшкова к Н.И. Гнедичу от декабря 1810 г., в котором поэт сообщал, что некоторые элегии написаны «назад тому лет семь»². В.А. Ко-

¹ Новейшие выходящие в свет собрания сочинений поэта обычно так и составляют: вначале печатаются «Опыты в стихах и прозе», а затем «Произведения, не вошедшие в “Опыты в стихах и прозе”». См.: *Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе* / изд. И.М. Семенко. М.: Наука, 1977; *Батюшков К.Н. Избр. соч.* / сост. А.Л. Зорина и А.М. Пескова. М.: Правда, 1986; *Батюшков К.Н. Соч.:* в 2 т. / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1.

² *Кошелев В.А. Комментарии / Батюшков К.Н. Соч.:* в 2 т. Т. 1. С. 471.

шелев к этим элегиям относит и «Мечту» (первой редакции»). В такой хронологической последовательности творчества стихотворение «Бог» относят к 1804 году и печатают третьим в ряду начальных произведений поэта. В некоторые издания советского периода оно вообще не вошло. Л. Н. Майков, помещая его после «Мечты», не указал года создания, а некоторые издатели относят его к самым ранним.

Если определять «пролог» литературной деятельности поэта, то следует признать: к нему относятся юношеские письма сестрам 6 июля 1797 года (из Петербурга), а также отцу 1 февраля 1800 года (из Петербурга). В ноябрьском письме 1801 года из Петербурга, тоже адресованном отцу, Н. Л. Батюшкову, будущий писатель сделал важное сообщение о первом своем литературном произведении, которое получило общественное признание. Он извещал родителя: «В свободное время переводил я речь Платона, говоренную на случай коронации; а как она понравилась Платону Аполлоновичу³, то он и хочет ее отдать напечатать. К оной присоединил я посвянительное письмо Платону Аполлоновичу, которое, как и речь, были поправлены Иваном Антоновичем⁴. Лишь только она выдет из печати, то я пришлю вам ее оригинал»⁵. Действительно, перевод был напечатан отдельной брошюрой⁶.

Итак, начало литературной деятельности Батюшкова — это перевод на французский язык сочинения митрополита Платона (Левшина, 1737—1812) «Речи по совершении священного Коронования Императора Александра Павловича (говорена в кремлевском дворце 1802 года, сентября 16 дня)⁷. Митрополит Московский Платон (Левшин) — выдающийся церковный деятель и вероучитель времени Екатерины II и Павла I, наставником которого он был назначен по воле императрицы, весьма ценившей дарования Платона. Такое отношение к своему учителю наследовал и Павел I, а затем и новый император. Митрополит Платон пользовался глубоким уважением не только при дворе, но и у других влиятельных и образованных лиц той поры. Он обладал незаурядными личными качествами: смелостью, находчивостью в спо-

³ Платон Аполлонович Соколов (ему адресовано сопроводительное письмо Батюшкова) — помещик, весьма образованный, оказывавший покровительство К. Н. Батюшкову.

⁴ Иван Антонович Триполи — директор колледжа, в котором учился К. Н. Батюшков.

⁵ Батюшков К. Н. — Отцу, 11 ноября (1801 г., Петербург) // *Батюшков К. Н. Соч.*: в 3 т. / изд. П. Н. Батюшкова; вступит. ст. Л. Н. Майкова; примеч. Л. Н. Майкова и В. И. Сaitова. СПб., 1886. Т. 3. С. 2—3. Далее письма цит. по этому изданию, в скобках после цитаты указан номер страницы.

⁶ Перепечатано: *Майков Л. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 369—374.

⁷ См.: Богословское творчество русских святителей. Платон (Левшин; митрополит Московский). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...». М.: Паломник: Русский Двор, 1996. С. 290—294.

рах, религиозной твердостью и последовательностью в отстаивании православных устоев и интересов церкви; он был критиком вольномыслия вольтерьяновского типа; отличался прямодушием и искренностью. Митрополит Платон — талантливый богослов-проповедник, религиозный философ и педагог. Екатерина II сказала о нем однажды: «Отец Платон делает из нас, что хочет: хочет, чтобы мы плакали — мы плачем»⁸. Во времена Батюшкова он возглавлял архиепископскую кафедру в Москве и являл собой «истинный образец» епархиального начальника, как было признано⁹. Видное место в его деятельности заняли труды на поприще церковно-просветительском, им созданы: «Краткий катехизис для детей» (1776), «Начальное учение человеком, хотящим учиться книгам» (1776), «Катехизис в беседах, предложенных народу», «Православное учение веры» (1765), переведенное на разные языки и неоднократно переизданное. «Эти сочинения до появления “Катехизисов” митрополита Филарета Московского были единственными учебниками и курсами богословия на русском языке...»¹⁰. Речь Платона на коронации Александра I так оценил магистр богословия Н.П. Розанов: Платон «был назначен первенствующим при короновании и миропомазании нового государя и сказал при этом чудную проповедь, в которой смело говорил о великих и трудных обязанностях монарха и за которую одни его осуждали, а другие вполне справедливо восхваляли»¹¹. По-видимому, по книгам митрополита Платона учил Закон Божий и Батюшков. Он так отозвался в обращении к П.А. Соколову о переведенной им «Речи...» митрополита Платона:

Речь
На коронацию
его Величества Императора всея Руси Александра I
Произнесенная 15 сентября Митрополитом Московским Владыкой
Платоном
Переведенная с оригинала К.Б.

Господину (Кавалеру) Соколову.

Monsieur! В ответ на все благодеяния, которыми вы щедро одарили меня, я никак не могу удержаться от того, чтобы не выразить вам своей

⁸ Платон / Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIII. 1898. С. 851. См. также: *Снегирев И.М.* Жизнь московского митрополита Платона. М., 1857; *Барсов А.* Очерк жизни митрополита Платона. М., 1891; *Смирнов С.К.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867; *Надеждин А.* Митрополит Платон как проповедник. Казань, 1882.

⁹ Платон / Энциклопедический словарь. С. 851.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Розанов Н.П.* Московский митрополит Платон (1737—1812). СПб., 1913. С. 19.

признательности, и дарю вам мой перевод речи, произнесенной по случаю коронации его Величества Императора. Если вы находите этот перевод слишком буквальным, то это извинительно моей юности; но как возможно передать на другой язык патетику, благородную простоту, возвышенность и тон правды, царящие в оригинале? Владыка Платон, имя которого стало в России самой красноречивостью, имеет свой собственный стиль; все красоты его сочинений льются источником и нисколько не несут отпечатка труда. Массильон, Бурдель, Флешьер, Босье, Фенелон — центр мастерства чтения проповедей находился во Франции, и Платон только что перенес его в Россию.

С большим глубоким уважением, ваш скромнейший и покорнейший слуга К. Батюшков.

(Перевод Элизабет Теуро. Печатается на русском языке впервые)¹².

Стихотворение поэта «Бог» восходит к его юношескому труду и вбирает в себя мысли Платона, выраженные в его сочинении, полное название которого таково: «Православное учение или сокращенная христианская Богословия, для употребления его императорского высочества пресветлейшего Всероссийского Наследника, благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, сочиненное его императорского высочества учителем иеромонахом Платоном 1765 года». В этом сочинении, а также в «Поучительных словах...»¹³, изложенные Платоном основы православного вероучения были восприняты Батюшковым и вошли в его раннее стихотворение — «Бог». Платон усматривает доказательство бытия Бога прежде всего как Творца всего сущего — человека и мира: «Мир сей есть наподобие театра славу Божию нам представляющаго; наподобие книги Создателя своего проповедующия; наподобие зеркала, в котором усматриваем ясныя премудрости Божия изображения»¹⁴. Рассматривая, «какие суть свойства Божии», он перечисляет: Бог Един, Безначальный, Бесконечный, Вечный, Бестелесный, Бессмертный, Наичистейший, Разумный, Всеведающий, Премудрый, Свободный, Преблагий, Препра-

¹² *Теуро Элизабет* (1973), француженка, закончила университет Париж IV Сорбонна, канд. ист. и филол. наук, доцент романо-германского факультета Московского гос. гуманитарного педагогического университета им. М.А. Шолохова.

¹³ Полное название: Поучительные слова святейшего правительствующего синода членом высокопреосвященнейшим Платоном, митрополитом Московским и Коломенским, свято-троицкия Сергиевы лавры священно-архимандритом и Орденов Св. Апостола Андрея и Св. Александра Невского кавалером проповеданные. М.: Синодальная типография, 1803, Т. 19.

¹⁴ *Платон. Православное учение...* Цит. по изд. 1780 г. Ч. I. § 3. С. 5.

ведный, Пресвятой, Всемогущий; отсюда вытекает — «верховный Господь всех»¹⁵.

Батюшков, не стремясь к логическому упорядочению мыслей, тем не менее восходит в своих представлениях к тем, которые обозначены вероучителем. Мир земной и у него — первое свидетельство бытия Всевышнего. И поэт выделил Его могущество: «Везде могущество Твое напечатленно»; «Всесильного чертог небесный чистый вид». И в стихотворении — Он Преблагий: «...благодать по земли реками изливаешь»; Он у поэта и Всеведущий: «Во тьме ты ясно зришь и в глубине морей». У Платона есть образ «Божественного ока», к этому образу восходит и тот, что создал поэт. И у него преобладающие определения Бога — «милостив», «велик», справедлив в повелениях, хотя и не познанных человеком. У Батюшкова получается так, как говорит Платон: «едина вера сильна». В его сочинениях заметное место занимает критика человеческой самонадеянности, мудрствования, преувеличения человеком своих сил: «кто много верит себе, тот верит мало Богу; кто много мудрствует о себе, от того тайна веры есть сокровенна. Кто много полагается на свои силы, того праведный Бог предаёт в *неискусен ум, твоити непотребные...*»¹⁶. Поэт тоже обличает «безбожного лжемудреца», показывает «тщетность» его поползновений, неоправданность надежд на свою волю, порождающих страх и в конце концов заставляющих человека смиряться.

Высоко ценя церковное красноречие, Батюшков, находясь под обаянием красноречия и митрополита Платона, о чем очень значительно отозвался в письме к Соколову, включал сочинения церковных деятелей в историю литературы. В поэтике стихотворения «Бог» он тоже восходит к образцу знаменитого вероучителя. В течение всей жизни поэт интересовался старославянским языком, языком славянской Библии, красноречием проповедников, отмечал «влияние церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие»¹⁷. Эстетическая категория возвышенного подчиняет себе поэтику стихов. Здесь величественная картинность: Царь Небесный на троне среди облаков, в Божественной руке — судьбы людей и целых народов. Разговор смертного со Всевышним содержит исповедально-задушевное начало. Авторские восклицания передают восхищение; человека поражает величие и могущество Творца. Антитезы, как афоризмы, украшают речь поэта, также как и речь церковных проповедников.

¹⁵ Платон. Православное учение... Цит. по изд. 1780 г. Ч. 1. § 5. С. 7.

¹⁶ Платон. Поучительные слова... С. 40.

¹⁷ Батюшков К. Н. Соч.: в 3 т. Т. 2. С. 337, 339.

Прямая речь, включаемая в текст, призвана, как и в духовном красноречии, показать послушание смертного, желающего подчинить свою волю воле Вседержителя. Впечатляют в сочинениях митрополита Платона символично-аллегорические образы: «корабль жизни», «океан мира сего», ненадежность «колесницы славы» и «колеса счастья», «мир как театр», как «зеркало», как «книга», «пророческое слово» как светило, сияющее в темноте и др.; в преображенном виде они вошли и в творчество Батюшкова. Пейзажные зарисовки в батюшковском стихотворении, как и в речах проповедников, передают нерукотворную красоту Божьего мира. Батюшков хорошо прочувствовал стиль столь понравившихся ему речей митрополита Платона, видимо, и других церковных пастырей.

Обычно стихотворение Батюшкова возводят к одноименному Г.Р. Державина «Бог» (1784) и его же другому стихотворению «Величество Божие. Псалом 102» (1789) с молитвенным эпиграфом: «Благослови душе моя Господи, Господи Боже мой, возвеличился еси зело». Отнюдь не отрицая сходства одотемных произведений, следует увидеть и различие, обусловленное прежде всего значительным промежутком исторического времени, отделяющего оды Державина 1780-х годов от батюшковского стихотворения, созданного в самом начале уже XIX века. Обширному классицистическому одическому воспеванию (11 строф — в первом стихотворении, 33 строфы — во втором) противостоит у Батюшкова тоже ода, но в стиле предромантизма. Она много более лаконична, более цельная, живописная, созданная в новой художественной манере. У Державина — грандиозная космическая картина бытия, увиденная как бы с высоты орлиного полета. Эстетические категории величественного и даже устрашающего преобладают в образном рисунке, и поэт стремится определить место человека в мироздании. Человеческое Я — чрезвычайно важный персонаж его оды. Всевышний познается через этот лирический субъект: «Я есмь — конечно есь и Ты»; «Я Царь — я раб, — я червь, — я Бог!»¹⁸. У предромантика Батюшкова классицистически-героическое самопознание заменено очень скромными самоощущениями; «мой скромный взор», — говорит поэт о себе. Утверждая, как и Державин, могущество Всевышнего, поэт XIX века заявляет о человеческой «бренности», о бессилии людского разума, о значении скорее религиозной интуиции, веры: «Хочу постичь Тебя, хочу — не постигаю. / Хочу не знать Тебя, хочу — и обретаю». Человек постигает Бога не по своему человеческому хоте-

¹⁸ Державин. Соч. М., 1798. Ч. 1. С. 4, 5. Далее цит. по этому изданию; по нему с творчеством Державина мог знакомиться Батюшков.

нию, а по Воле Всевышнего. Именно у Батюшкова значительное место в оде занял «безбожный лжемудрец», посрамленный в своем атеизме: видя могущество Творца неба и земли, он «в страхе» «клянёт себя, клянёт и разум тщетный свой» (Батюшков отчетливо знает, что «великие мысли истекают из сердца»¹⁹, а человеческий разум обманчив). «Лжемудрецы» в его поэзии, видимо, те «лжепросветители», о которых критически высказывался и митрополит Платон. Известный афоризм Державина, основанный на антитезах, завершается возвышенным самоутверждением: «я — Бог», и ода оканчивается призывом к человеку: «К Тебе лишь возвышаться / В безмерной разности теряться / И благодарны слезы лить». А в стихотворении «Величие Божие» Державин провозглашает хвалу Его Премудрости и величию, восхождение к которым — назначение человека.

У Батюшкова финал стихотворения — не самоутверждение человека, а его смирение как проявление теперь уже не «лжемудрости», а подлинного, доступного человеку знания:

Смиряюсь пред Тобой.
Тебя — тварь брeнная — еще не понимаю,
Но что Ты милостив, велик, — теперь то знаю!²⁰

Истинное знание человека, согласно Батюшкову, — постижение милости Всевышнего, его Благой Воли.

Акценты в стихотворениях двух поэтов переместились: первый утверждает главную человеческую ценность, согласно классицизму, — разум, премудрость Божественного происхождения. Предромантик Батюшков острее осознает ограниченность человеческого ума и главную ценность видит в том, чтобы человек не мудрствовал лукаво, а верил и надеялся. У Батюшкова заметны те настроения, которые проявились и у митрополита Платона в 1804 г. в письме к Амвросию; указаны духовные язвы того времени: «Усилились: 1) неверие; 2) философия, маскою христианства прикрытая, и 3) папизм... До какой степени лукавы и злобны его орудия — иезуиты...»²¹.

Сходство с Державиным обнаруживается прежде всего в некоторых внешних формах начала творчества. Как и у Державина в рассмот-

¹⁹ Батюшков К.Н. Мысли // Батюшков К.Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 266.

²⁰ Батюшков К.Н. К другу. Избранные произведения и письма / сост., вступит. ст., примеч. В.Н. Аношкиной. М.: Парад, 2007. С. 48. Далее стихи цит. по этому изданию, в скобках после цитаты указан номер страницы.

²¹ Цит. по: Розанов Н.П. Московский митрополит Платон. С. 20.

ренном сборнике сочинений 1798 года начало — посвящение императрице Екатерине, а затем следовало стихотворение «Бог», так и у Батюшкова: начало — работа, посвященная коронации Александра I, затем, по-видимому, создание стихотворения «Бог», выявляющего мировоззренческие религиозные основы творчества молодого поэта, которые дают о себе знать на протяжении всей его литературной деятельности.

Ода Батюшкова «Бог» не вошла в его прижизненный сборник «Опыты в стихах и прозе», однако в нем отдел «Поэзия» возглавило стихотворение «Надежда» (1815). Оно стало продолжением религиозного одического песнопения, в котором провозглашено: «Везде могущество Твое напечатленно. / Из сильных рук Твоих родилось все негленно...»; душа автора устремлена к Всевышнему: «Туда мой скромный взор с надеждою летит!» Мотив «надежды» сделался центральным в новом стихотворении, оказавшемся программным для умонастроения поэта послевоенного периода:

Он! Он! Его всё дар благой!
 Он нам источник чувств высоких,
 Любви к изящному прямой
 И мыслей чистых и глубоких!
 Всё дар Его, и краше всех
 Даров — надежда лучшей жизни!
 (212)

Раннее стихотворение «Бог» — исток религиозных настроений Батюшкова в поэзии и прозе. В первом стихотворении он высказал мысль, повторяющуюся и в других его произведениях о всеильном Творце-Вседержителе, которому подвластен мир земной и небесный. По существу в стихах он высказал идеи «Символа веры»: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». Автора оды восхищает величие Творца и его творения. Религиозное чувство поэта обязательно включает веру в благую волю Вседержителя:

Но бури страшные и громы Ты смиряешь
 И благость на земли реками изливаешь.
 (47)

В стихотворении «Надежда» и эта мысль получила развитие и приобрела глубоко личный смысл:

Мой дух! Доверенность к Творцу!
 Мужайся; будь в терпеньи камень.
 Не он ли к лучшему концу
 Меня привел сквозь бранный пламень?
 На поле смерти чья Рука
 И жадный крови меч врага
 И град свинцовый отражала?
 Кто, кто мне силу дал сносить
 Труды, и глад, и непогоду,
 И силу — в бедстве сохранить
 Души возвышенной свободу?
 Кто вел меня от юных дней
 К добру стезею потаенной
 И в буре пламенных страстей
 Мой был Вожатый неизменной?

(212)

Снова поэт стихами передал идею Символа Веры: «Нас ради человека и нашего ради спасения сшедшего с Небес и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася».

Подобные мысли Батюшкова высказаны философски последовательно, с аргументацией в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815). К этому же 1815 году относится и стихотворение «К другу», значительное и содержательное, адресованное П.А. - Вяземскому. Батюшков поведал другу о скептических настроениях, которые его посещали, и которые он сумел преодолеть. Поэт сравнил человека, вечно сомневающегося во всем, с кораблем без руля: он «вечно пристани не знает, / Так ум мой посреди сомнений погибал». Подлинный «руль» для человека — это голос совести:

Я с страхом спросил глас совести моей...
 И мрак исчез, прозрели вежды:
 И Вера пролила спасительный елей
 В лампаду чистую Надежды.

(214)

Среди святых основ бытия поэт выделил Веру и Надежду, о Любви он писал в разных контекстах.

Начало и заключительный этап творчества Батюшкова объединяются в прочности исходных религиозных — теоцентрических — позиций.

Обращаясь к эпилогу творчества Батюшкова, следует заметить его связь с начальным этапом творчества, хотя и в определении эпилога есть ряд спорных и до сих пор неясных моментов.

Нередко в собраниях сочинений поэта последним печатают стихотворение «Ты знаешь, что изрек...» («Изречение Мельхиседека»), датируя его 1821 или 1824 годом²². Стихотворение оказывается в контексте поэтических созданий 1819 — первой половины 1820-х годов или всего заключительного этапа литературной деятельности писателя.

Стихотворное «изречение» Мельхиседека заслуживает специального рассмотрения. Необходимо ответить на несколько вопросов: почему Батюшков обратился к ветхозаветному образу именно Мельхиседека, хотя нельзя сказать, что русская литературная традиция особенно внимательна к этому персонажу Библии? Чем объясняется скептическое содержание стихотворения? Какое место оно занимает на заключительном этапе творчества поэта?

Ответ на первый вопрос вновь возвращает к трудам митрополита Платона (Левшина), которого столь высоко ценил Батюшков. В «Православном учении...»²³ митрополит Платон целый раздел посвятил Мельхиседеку. Ученый проповедник рассмотрел все упоминания в Библии о ветхозаветном священнике и пришел к выводу: Священство Мельхиседеково по своему превосходству было сходно со священством Христовым, которого подлинное действие было выше и действительнее, нежели все жертвоприношения Ароновы²⁴. Обращает на себя внимание и тот факт, что наследник престола, будущий император Павел I, познакомившись с трудом своего учителя, прежде всего отзывался именно об этом разделе книги: «Преподобный отец! Рассуждение Ваше о Мельхиседеке читал я с крайним удовольствием...»²⁵ В целом ответ цесаревича Павла был посвящен изложению мыслей о пользе наук, просвещения, сочетающихся с христианским вероучением — православием. В одном месте его ответа Платону цесаревич Павел счел нужным вспомнить о старинном византийском писателе: «В книге премудрости Иисуса сына Сирахова также читаем: источник премудрости — слово Божие в вышних, и шестивия ея заповеди вечныя»²⁶. Ба-

²² В Примечаниях Л. Н. Майкова и В. И. Саитова указан 1821 г.; *Батюшков К. Н.* Соч.: в 3 т. Т. 1. С. 441. В. А. Кошелев относит написание стихотворения к лету 1824 г.; *Батюшков К. Н.* Соч.: в 2 т. Т. 1. С. 484.

²³ См. указ. изд. 1780 г.

²⁴ Там же. С. 243.

²⁵ Там же. С. 247.

²⁶ Там же С. 250.

тюшков же своему сочинению «Чужое: мое сокровище» предпослал эпиграф из труда этого писателя: «Во множестве старейшин ставай, и аще кто премудр, тому прилепися: всяку повесть божественную восхощи слышати, и притчи разума да не убежат тебе! Аще узриши разумна, утренней к нему и степени дверей его да не трет нога твоя. Иисус сын Сирахов»²⁷. Поэту свойственно в своем творчестве прикасаться к премудрости древних писателей.

Можно придти к заключению: обращение Батюшкова к личности Мельхиседека было обусловлено его близостью к тем сферам духовной жизни России, которые содержали религиозные интересы высших кругов духовенства и самого двора.

В новейших книгах о Мельхиседеке он назван «таинственным» персонажем и «загадочным»²⁸. Все, что говорится о Мельхиседеке в Библии, «усиливает наше впечатление о нем как о таинственной и внушающей трепет фигуре. Его роль в развитии учения несоразмерна с теми немногими фактами, которые нам известны. То, что *говорят* о нем, вызывает мысль о тайне, но не дает объяснения. Этот загадочный персонаж веками привлекал внимание читателей Библии как покровитель Авраама и предтеча Христа»²⁹.

В Ветхом Завете Первой книги Моисеева (Быт. 14, 18, 19, 20) даны сведения: после победы Авраама над враждебными царями вышел к нему царь Салимский Мельхиседек, который был священником Бога Всевышнего, вынес хлеб и вино и благословил Авраама, сказав: «благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки, неба и земли; и благословлен Бог Всевышний, который предал врагов твоих в руки твои». Таково изречение Мельхиседека, согласно Библии. В ней отсутствуют какие-либо другие изречения Мельхиседека. В Евангелии, в Послании апостола Павла к евреям, несколько раз упоминается Мельхиседек; всегда напоминает Апостол Павел о том, что Иисус Христос — Первосвященник Бога Всевышнего «по чину Мельхиседекову». Эта мысль раскрывает существо связи Иисуса Христа с Мельхиседеком: ветхозаветный священник в отличие от языческих царей, которых победил Авраам, был священником Бога Единого Всевышнего, таков «чин Мельхиседека».

Однако в стихотворении Батюшкова отсутствует этот сюжет и совсем иное у поэта содержание изречения Мельхиседека:

²⁷ Батюшков К.Н. Чужое — мое сокровище // Батюшков К.Н. Соч.: в 3 т. Т. 2. С. 288.

²⁸ См.: Евангельский словарь библейского богословия / под ред. У. Уэлуэлла; пер. с англ. В.Н. Гаврилова. СПб.: Библия для всех, 2000. С. 562.

²⁹ Мельхиседек / Словарь библейских образов; под общ. ред. Лилянда Райкена, Джеймса Уилхойта, Гремпера Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 605.

Ты знаешь, что изрек,
 Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
 Рабом родится человек,
 Рабом в могилу ляжет,
 И смерть ему едва ли скажет,
 Зачем он шел долиной чудной слез,
 Страдал, рыдал, терпел, исчез.

(263)

Батюшков как бы задает вопрос читателю, но, если считать, что это не перевод какого-то фрагмента, то получается, что автор и сам не знает о Мельхиседеке, ведь в Священном писании ничего не говорится ни о его рождении, ни о его смерти, ни о его возрасте, ни о его генеалогии (отсюда и странные догадки и легенды о нем). Автор приписал библейскому первосвященнику слова, которые он не произносил. Комментаторы стихотворения повторяют, что источник стихотворения не найден. Остроумное объяснение предложила И.М. Семенко в подготовленном ею издании сочинений К.Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе» (М., 1977). Она полагает, что, возможно, в болезненном сознании поэта слились два библейских персонажа: Мельхиседек, который ничего подобного приведенным словам Батюшкова не изрекал, и автор «Книги Экклесиаста». Совпадение изречения проповедника Экклесиаста с мыслями, высказанными в стихотворении от лица Мельхиседека, исследовательница видит в следующих умозаклчениях: «Суета сует, сказал Экклесиаст, суета сует — все суета! (Гл. 1, 2) Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? (Гл. 1, 3) Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей (Гл. 5, 14). Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это суета! (Гл. 2, 23) ...Человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек не трудился в исследованиях, он все-таки не постигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого* (Гл. 8, 17)»³⁰. Действительно, скептические мысли Батюшкова совпадают с изречениями Экклесиаста; особенно идея *незнания* человеком своего жизненного назначения и своей судьбы, идея *совпадения начала и конца* бытия чело-

³⁰ См.: И.М. Семенко. Примечания // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 577.

веческого рода на земле. Мысль о суете земного существования человека особенно ясно высказана в стихотворении «К другу» (1815): «так все здесь суетно в обители сует!»

Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.

(214)

Однако в этом стихотворении, в отличие от «изречения Мельхиседека», Батюшков преодолевает угнетенное состояние человеческого духа, вызванное скепсисом, порождающим уныние, человек обращается к голосу совести, духовно прозревает, опираясь на Веру и Надежду, и стихотворение завершается сообщением о просветленном душевном состоянии:

Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надежно ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.

(215)

Так писал Батюшков в середине 1810-х годов. Есть ли достаточное основания считать, что он стал скептически в 1820-х?

Совпадения батюшковских изречений Мельхиседека с суждениями Экклесиаста все-таки далеко не полные. Важно для поэта высказывание — «человек — раб»; слово «раб» дважды повторяется в стихотворной миниатюре, но у Экклесиаста оно отнюдь не выделено. То есть у поэта идея несвободы человека оказывается главной. В рассматриваемом же тексте Ветхого завета главная — идея *суеты* земного бытия, а у Батюшкова она отсутствует, и этого слова нет в стихотворении; вряд ли рождение и смерть возможно назвать «суетой». Поэт скорее заявляет о незнании смысла этих актов человеческого бытия. Но, собственно, и в раннем стихотворении «Бог» он уже заявлял о неспособности ума человека познать волю Всевышнего. Стихотворение Батюшкова имеет форму фрагмента, можно предполагать какую-то незавершенность, отрывочность высказывания: из какого-то потока размышлений и чувств взято лишь одно звено. Лирическое произведение теоретики определяют как мгновенную вспышку фантазии, мгновенное излияние чувства. Мгновенное состояние, проходящее, запечатлено в

стихотворении Батюшкова. В проповеди Экклесиаста, занимающей 12 глав, содержание много более сложное. Проповедник предупреждает человека против увлечения земными, ненадежными благами, учит помнить о Божием суде, обращать свои помыслы к руке Божией: «Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека (Гл. 12, 13); ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо (Гл. 12, 14)».

Последние стихотворения Батюшкова восходят скорее к христианской идее спасения человека. Поэта занимает идея победы человека над смертью:

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дни,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопим!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!..

(1821; 253)

В стихотворении «Храни ее святое Провиденье!» (1824), того же года, что и об изречении Мельхиседека, поэт высказал прямо противоположную скептицизму мысль:

Мы ждем тебя, день завтрашний, священный!
К нам гением надежды ниспустишь!
Прекрасного символ будь неизменный!
И ясен к нам стократно возвратись!

(263)

Также и стихотворения, предшествующие батюшковскому изложению мнимых изречений Мельхиседека, содержат просветленные идеи и чувства поэта, связанные с осознанием ценностей дарованного Богом человеческого и в целом земного бытия: «Я ближнего люблю, но ты природа-мать, / Для сердца ты всего дороже!» («Есть наслаждение и в дикости лесов...»); в «Подражании древним» (июнь 1821) поэт восклицал: «И на земле прекрасного столь много!»; здесь прозвучали и призывы к мужеству и вера в победу: «Будь в счастье — Сципион, в тревоге брани — Петр <...> Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он Отец, / Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец». В переводе из Шиллера («Мессинской невесты»), которым Батюшков тоже увлекался, главная идея — необходимости и возможности для человека про-

шения обид, примирения, взаимной любви ближних. Эпиграф творчества Батюшкова — это не «Изречение Мельхиседека», а «Подражание Горацию» (стихотворение датируют или 1826 г.³¹ или 1852³²):

Я памятник воздвиг огромный и чудесный;
 Прославя вас в стихах: не знает смерти он!
 Как образ милый ваш и добрый и прелестный
 (И в том порукою наш друг Наполеон).
 Не знаю смерти я. И все мои творенья,
 От тлена убежав, в печати будут жить.
 Не Аполлон, но я кую сей цепи звенья,
 В которые могу вселенну заключить.
 Так первый я дерзнул в забавном русском слого
 О добродетели Елизы говорить
 В сердечной простоте беседовать о Боге
 И истину царям громами возгласить.
 Царицы, царствуйте, и ты, императрица!
 Не царствуйте, цари: я сам на Пинде царь!
 Венера мне сестра, и ты моя сестрица.
 А Кесарь мой — Святой Косарь.
 (263—264)

Главная идея стихотворения — вера поэта в свой творческий дар, который обеспечит ему бессмертие. Здесь опровержение скепсиса «Изречения Мельхиседека», отнюдь не бессмысленна и не подневольна жизнь человека, когда он творец: «Я сам на Пинде царь!» В высоком назначении Поэзии и осуществлении высших целей — отнюдь не суета и не тлен, а достижение бессмертия. Поэт перечислил свои заслуги, главная из них — «В сердечной простоте беседовать о Боге» — поэт мысленно возвратился к первому своему стихотворению «Бог». Слова Батюшкова — «О добродетели Елизы говорить» — требуют особого комментария. Н.В. Фридман предположил, что стихотворение «Храни ее святое Провиденье...», написанное в 1824 году, обращено к императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I. Если датировать стихотворение 1826 годом, то, вероятно, что «Елиза» и из «Подражания Горацию» — она же. Императрица Елизавета Алексеевна (1779—1826) пользовалась

³¹ Батюшков К.Н. — А.Г. Гревенс. 8-го июля 1826 г. Город Тула // *Батюшков К.Н. Избранная проза / сост., послеслов., примеч. П.Г. Паламарчука. М.: Сов. Россия, 1988. С. 444—445.*

³² См. Комментарии в изд.: *Батюшков К.Н. Соч.:* в 2 т. Т. 1. С. 484.

симпатией и даже любовью окружающих, как признают историки. Она скончалась 4 мая 1826 года следом за своим мужем, и ее внезапная смерть также породила легенды о «молчальнице Вере». Если датировать стихотворение «Подражание Горацию» этим же злополучным годом, то получается, что Батюшков, душевно больной, не знал о кончине царствующих особ и восклицал: «Царицы, царствуйте, и ты императрица! / Не царствуйте цари...» Такое странное противопоставление, если принять биографическую ситуацию Батюшкова середины 1820-х годов, можно объяснить недовольством Александром I, который отверг просьбу Батюшкова об увольнении со службы и продлил его отпуск, что не устраивало больного поэта. Если стихотворение датировать 1852 годом, то имя Елизы становится вообще неясным, а «не царствуйте цари» трудно адресовать Николаю I. В то же время, принимая способ объяснения трудных мест в творчестве поэта периода его болезненного состояния, принятый И.М. Семенко, можно и здесь увидеть объединение («слияние») нескольких личностей с именем Елизаветы, близких и почитаемых Батюшковым: это и его сестра Елизавета Николаевна (кстати, о «сестрице» он говорит в стихотворении), и Елизавета Григорьевна (внучатая племянница поэта), и Елизавета Петровна — ее мать, жена племянника Батюшкова Г.А. Гревенса, у которого жил больной поэт. Есть и еще одна Елизавета Петровна («лицо неизвестное» для Л.Н. Майкова и В.И. Саитова. См. комментарии к Письму поэта отцу, Н.Л. Батюшкову, 1 февраля 1801 г.). Елизавета — «божья помощь» (др. евр.). Все названные женщины с этим именем были милы Батюшкову и близки его сердцу; также, видимо, он почитал императрицу Елизавету Петровну, упоминаемую в его прозе.

Поэтический эпилог Батюшкова подтвердил победу религиозных настроений в его болезненной душе; они просветлили сознание любовью к людям, творчеству и Всевышнему.

Христианская религиозность предромантика К.Н. Батюшкова, как и первого романтика В.А. Жуковского, во многом определила своеобразие формирующегося в России нового литературного направления.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕДРОМАНТИКА

«Философ резвый и пиит» (А.С. Пушкин) — такое определение личности К.Н. Батюшкова никто из современников и потомков поэта не отвергал. Однако изучение Батюшкова как философа не предпри-

нималось¹, и для этого были основания. Ничего подобного философским системам поэт не создавал, а свою «философию» любил называть «маленькой». Но он вообще злоупотреблял этим словом, говоря о себе, в чем не следует видеть лишь *idée fixe* поэта, которой принадлежало будущее в болезненных проявлениях его души. Самокритичное сознание Батюшкова не исключало понимания своих незаурядных способностей как поэта и одаренного человека. Он обижался на Н.И. Гнедича (судя по письмам)², который побуждал его к чиновничьей службе, его, чувствующего себя Поэтом, философом, размышляющим о «возвышенном» — слово, с синонимами повторяющееся в его стихах и письмах. Ключевые слова работ из сферы интеллектуальной деятельности поэта — «философия», «мудрость», «мысли», «мораль», «моралисты», «религия», «рассудок», «безбожие», «неверие», «добро», «зло», «истины Евангелия»...

Изучение религиозно-философских воззрений Батюшкова способствует уяснению начального этапа русского романтического философствования. Перу поэта принадлежит несколько статей, специально посвященных философии: «нечто о морали, основанной на философии и религии» (1815), «О лучших свойствах сердца» (1816), «Чужое: мое сокровище» (1817); к ним примыкают «Мысли» (1810), разные философские замечания из записных книжек (1810) и писем поэта; стихи — также, но о них должен быть особый разговор. В рамках небольшой статьи будут лишь намечены проблемы изучения большой темы.

Специфическое название работы «Чужое: мое сокровище» совпадает с высказыванием В.А. Жуковского: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, ко-

¹ Л.Н. Майков сделал обобщение: «Человек мысли более, чем практической деятельности...» (*Майков Л.Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб., 1887. С. 3), но его философские сочинения и отдельные суждения биограф поэта не рассматривает. В годы официального атеизма тем более не могла вызвать сочувствия центральная философская статья Батюшкова «Нечто о морали, основанной на философии и религии» (см.: *Д.Д. Благой.* Судьба Батюшкова // *Батюшков К.Н.* Соч. М.; Л., 1934. С. 24), хотя Д.Д. Благой и считал ее наиболее зрелым и прямым выражением новой, не эпикурейской, идеологии поэта. В.А. Кошелев (см.: *Творческий путь К.Н. Батюшкова.* Л., 1986. С. 11—18) в разделе, выразительно озаглавленном «Малютка Батюшков...», назвал и философию поэта (вслед за ним самим) «маленькой», увидев «потенциального “гиганта”» в Батюшкове-поэте.

² См.: Гнедичу <Декабрь 1810 г. Хантоново>; Гнедичу 7-го ноября <1811 г. Хантоново> // *Батюшков К.Н.* Избранная проза. М., 1988. С. 302—303 и 312—313. Далее цит. по этому изданию, в скобках после цитаты указан номер страницы.

торое надобно ударить об камень, чтобы у него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества: у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — а все однако мое»³.

В совпадении высказываний о «чужом», которое превращается в «свое» в процессе размышлений и творчества, не следует видеть лишь примету периода «освоения», как иногда называли время литературной деятельности Батюшкова и Жуковского — первые десятилетия XIX века; особенно неудачно понятие «эkleктизм» в применении к наследию поэтов той поры. Тезис «Чужое: мое сокровище» несет в себе характерный исходный этический принцип: не эгоистическое «самовыражение», не стремление сказать что-то обязательно «свое», непохожее на других, выделяющееся, призванное самоутвердиться — не это их главная задача. Не пресловутое «самовыражение» в философии, а поиск Истины, или готовность собирать красоту, об этом свидетельствуют записные книжки, письма, «мысли» Батюшкова.

Работе «Чужое: мое сокровище» предпослан эпитаф из «Книги Премудрости» Иисуса сына Сирахова, писателя II века до нашей эры; она вошла в христианский Ветхий завет. Эпитаф звучит так:

Во множестве старейшин ставай.
И аще кто премудр, тому прелепися.
Всяку повесть божественную восхоши
слушати, и притчи разума да не
убежат тебе! Аще узриши разумна,
утренюй к нему, и степени дверей
его да не трет нога твоя.

(252)

Древняя божественная — ветхозаветная — премудрость вполне освоена Батюшковым. Он прикасается сердцем и умом к истинам и красотам, которые уже были найдены до него и принимает их, смиряя собственный эгоизм, учась ценить обретение духовных благ другими людьми. «Чужое: мое сокровище», как и письма поэта и другие создания его пера, говорят о большом чтении книг, даже об «искусстве» чтения, выработке особых «правил»: чтению должны сопутствовать «простодушие», «снисхождение», «не хватать погрешности», наслаждаться красотами, извлекать пользы для себя, духовное просвещение: «Станем наслаждаться прекрасным, более хвалить и менее осуждать! Сло-

³ Жуковский В. А. — Гоголю Н. В. 6 (18 февраля 1847 г.) // Жуковский В. А. Собр. соч.: в 4-х т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 544.

ва Спасителя о нищих духом, наследующих царством небесным, можно применить и к области словесности» (274).

Батюшков предстает в своих сочинениях как эрудированный человек и в области философии: он много читал и размышлял о прочитанном.

У него скорее французский тип философствования, нежели немецкий, которому свойственно размышление логически упорядоченное, системоустремленное, подробно аргументированное. Будучи философски образованным человеком, Батюшков читал Канта, был знаком с философией Шеллинга, но особенно не заметно их глубокого влияния на его образ мыслей и манеру теоретических обобщений. Л.Н. Майков приходил к выводу, что немецких писателей молодой поэт читал в юности очень немногих и не знакомился с лучшими умами Германии⁴, а сочинения французских писателей XVII—XVIII веков были «ходячей монетой в русском обществе»⁵ и признаком хорошей образованности. Батюшков в юные годы и впоследствии много читал французских авторов. Среди них выделяются мыслители-моралисты: Ларошфуко, Вовенарг, Ривароль; поэт определял философские позиции писателей: Бартеlemi, Масье, Вольтера, Руссо, Шатобриана. Особенно восхитило его чтение Монтеня: «Я прочитал Монтаня⁶ недавно. Книга, которую буду перечитывать во всю мою жизнь! <...> Все писатели, все моралисты, все стихотворцы почерпали в Монтане мысли, обороты или выражения. Из всякой его страницы делали том. Его книгу можно назвать ученой, весьма забавной, весьма глубокомысленной, никогда не утомительной, всегда новой; одним словом, историей и романом человеческого сердца.

Монтаня можно сравнить с Гомером» (244).

Батюшкову нравится такой тип философствования: создание не умоглядных теоретических систем, а сердечное высказывание, глубокое и остроумное одновременно, живописно-картинное, иногда парадоксальное, но и нравоучительное, не утомляющее читателя, а увлекающее его, покоряющее, будто невольно, его сердце и ум.

Батюшков хорошо знал французскую философию, но чаще всего выражал неудовлетворение ею. Он осуждал скепсис французских моралистов, неверие в прекрасные движения человеческого сердца — в любовь, дружбу, семейные привязанности, осуждал сниженные оценки «драгоценных» побуждений людей. Остроумные максимы Ларош-

⁴ Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Здесь воспроизведено батюшковское написание фамилии философа: «Монтань».

фуко «сушат сердце», он наблюдал слишком тесный круг людей — в «прихожей Тюльерийского замка», а изучение придворных не дает Истины о человеке. Над Риваролем он посмеивается, рассказывая анекдот. С Монтескье спорит от лица Кантемира, опровергая опять скепсис мыслителя, адресованный России. Вольтера и Руссо, «женевского мизантропа», постоянно подвергает критике за недооценку религии, божественного присутствия в человеке и обществе. Видимо, французским мыслителям направляет Батюшков свой вывод о светских моралистах, которые лишают человека надежд, мужества и постоянства в достижении нравственных целей. Батюшков философствует в виде афоризмов: «Молчание есть украшение и шит юности», «Скупые на похвалу доказывают, что они небогаты достоинствами», «Добродетель идет мимо счастья и злополучия, на то и другое бросая презрительные взоры», «Великие мысли истекают из сердца» («Мысли», с. 18—19). Впоследствии мысль о «молчании» войдет в знаменитое стихотворение Тютчева уже в другой интерпретации, в стихи других поэтов и толкователей их стихов о «молчании», о «невывразимом» и заставит Л.Н. Толстого в книге «Круг чтения» религиозно-философски истолковать «молчание» — «silentium». «Круг чтения» — это новый этап, конца XIX — уже начала XX века — создания философии чтения, приобщения к «чужим» сокровищам, к духовным ценностям мудрых людей⁷.

Содержание религиозно-философских воззрений Батюшкова наиболее очевидно раскрывается в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии». Его антропологические позиции, философия человека вообще, выявляются путем развернутого и внутренне полемичного рассуждения. Возражения адресованы эпикуреизму. Уже в довоенной период Батюшков приобрел репутацию «изящного эпикурейца», как впоследствии В.Г. Белинский сформулировал сложившееся мнение о поэте, сохраняющееся и в послевоенное время. В.А. Жуковский в послании «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...», 1812), а затем юный А.С. Пушкин-лицеист, тоже в послании «К Батюшкову» («Философ резвый и пиит, / Парнасский счастливый ленивец...», 1814) — оба нарисовали портрет симпатичного им поэта как певца любви, вина, радостей земной жизни, изящных наслаждений — как эпи-

⁷ Примечательная особенность сочинений Батюшкова — появление в них фразеологических сочетаний, которые будут повторяться в русской литературе впоследствии, обычно в новой интерпретации получившие долгую жизнь: «маленький человек», «черный человек», «униженные и оскорбленные» и даже — «тихий Дон»; полагают, что и слово «славянофил» впервые употребил Батюшков.

курейца. Пушкин, конечно, помнил о Батюшкове-воине, защитнике отечества, гражданине-патриоте. Но этот мотив не получил широкого развития в его стихотворении, преобладал образ упоенного жизнью эпикурейца. А Жуковский даже наставлял друга, побуждая его дорожить не скоротечным и изменчивым земным счастьем, но возвышенными и вечными духовными ценностями. Он отважился на поучения: «Отвергни сладострастья / Погибельны мечты <...> Отринь их, разорви / Лаис коварных узы <...> Мой друг, да не сквернится / Твой непорочный жар...» Во всяком случае именно Жуковский, старший поэт, которого Батюшков очень любил и почитал, не мог не оказать влияния. Младший поэт в своей статье как бы опровергает сложившееся о нем поверхностное мнение и объясняет свою философскую позицию⁸.

Он не отрицает влечения людей в юный период жизни к обретению сильных ощущений, к страстям, жажде наслаждений. По логике автора статьи получается, что периоду неискушенной в жизни юности соответствует учение Эпикура; смысл его «системы» Батюшков излагает: «Человек не может возвыситься до Существа Верховного: его склонности беспрестанно противоречат закону; он влечется невольно к видимым благам и ищет в них благополучия, даже в вещах самых гнуснейших» (130). Эпикуреизм поэт-философ обнаруживает и у Монтеня и у приверженцев французской революции. Это они исповедуют: «Наслаждайся! Вся природа твоя, она предлагает тебе все сладости свои, все упоения уму, сердцу, воображению, чувством; все, кроме надежды будущего, все твое, — минутное, но верное» (131). Батюшков воспроизвел философский принцип человекоцентризма, связал его с верованиями древних людей, даже выдающихся язычников, поэтов, которые не находили «истинного блаженства» в силу подобной философии.

Батюшков подвергает критике и противоположную систему античной древности — стоиков: «Стоическая система ложна, ибо мораль ее основана на одном умствовании, на одном отрицании; она ложна потому, что беспрестанно враждует с нежнейшими обязанностями семейственными, которые основаны на любви, на благоволении» (129). Все-таки он выделял учение стоиков, считая его лучшим среди древних философских систем. Он, как и многие другие русские мыслители той поры, находит близкое своим нравственным позициям в предьяв-

⁸ Стало общим местом в трудах о Батюшкове связывать его философию на первом этапе творчества с эпикуреизмом. Я.К. Грот (см.: Очерк личности и поэзии Батюшкова // Сб. Отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб., 1888. Т. 43. С. 6) утверждал, что статья «О морали, основанной на философии и религии» свидетельствует об отказе от прежнего образа мыслей — эпикурейского.

лении человеку высоких требований — моральной твердости, мужества, постоянства, служения правде. Он ценит трудолюбие, самоотрицание, то есть обуздание эгоизма. Стоики указывают человеку высокую цель жизни и ведут его к Богу. По-видимому, в этом моменте рассуждений Батюшков видел в стоицизме род подготовки к христианству. Однако стоики апеллируют к уму человека и недооценивают его сердца, а оно, по ходу рассуждений Батюшкова, приравнивается к душе человека, к его совести. «Сердце есть источник страстей, пружина морального движения <...> отчет ума сердцу есть то, что мы осмелимся назвать лучшим и нежнейшим цветом совести» (129). Ум, тем более рассудок не заменяют души человека. Стоики не постигали Истину, ведь ум смертного слаб и подвержен ошибкам.

Значение рассматриваемой статьи — в утверждении высокой, исконной для человека духовности, веры во Всевышнего. Философия Батюшкова имеет религиозную христианскую основу. Еще Гнедичу он писал о том, что нужно познать Первоначало: «существует Бог» (291). В статье он рассуждает о морали: «Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесном Откровении, ибо она единственно может быть полезна во все времена и при всех случаях: *она есть щит и копье* доброго человека, которые не ржавеют от времени» (127). Батюшков знает о тягостных состояниях человеческой души и указывает на единственный путь спасения — религию.

Без нее даже гениальные умы впадают в гордыню, страдают, не обретая духовного благополучия. Человеческая мудрость недостаточна, даже слабый луч веры, но постоянный луч, показывает истинную цель жизни — высокое назначение человека, завещанное Творцом. Батюшков вслед за Квинтилианом апеллирует к Священному Писанию, хранилищу истин, разрешающих трудности людей.

Ряд страниц в статье философ посвящает проблеме неверия. По его мысли, оно погружает человека в душевный мрак, делает его слепым, окружает призрачными явлениями, вместо истинных, заменяет Истину ложью. Отказ от веры ведет к социальным бедствиям, и Батюшков напоминает о событиях французской революции: «Мы издали взирали на грома и молнии неверия, раздробляющие и трон царя, и алтарь истинного Бога; мы взирали с ужасом на плоды нечестивого вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленных трупов, на человечество, униженное и оскорбленное в священнейших правах своих <...> но мы не теряли надежды на Бога» (138).

Статья заканчивалась философско-публицистическим пассажем, панегириком, посвященным послевоенной России, победившей ус-

той безбожия, к которым он относит ориентиры революции — рассудок, братство, вольность, не освященные религиозной верой. Батюшков предсказывает появление мыслителей, которые создадут учение на истинах Евангелия.

Идея возврата людей к христианской Истине и к отказу от ложного мудрствования постоянны в его высказываниях на страницах разных сочинений.

Батюшков говорит о христианстве. Хотя он не обращается именно к православию, не пишет о Церкви, не касается специфических богословских проблем, но все же можно заключить, что он имеет в виду обычно именно русскую веру — православие. Обучаясь в юные годы в колледжах Жакино и Триполи, он, видимо, приобрел знания о католицизме, но и о нем он почти не высказывался. Однако негативно отзывался о современном Риме, в котором, по его словам, «столько же безбожия и суеверия, сколько при Борджиях», и добавляет, что и «в Вене распутство превосходит или, по крайней мере, не уступает английскому и парижскому», один Мадрид «устоял», по его мнению, но «так-то трудно удержать государство от разврата, когда соседние народы оным заражены!» (242). Так писал поэт в своих записных книжках. Показательны его слова о Д'Аламбере и Дидро, свидетельствующие о явном неприятии протестантизма, а также и папизма: «Я уверен, что если б он жил в средние века, то был бы схоластиком и ничего более, а Дидерот был бы Кальвином, или Лютером, или папистом, то есть ему надобно б было наделать шуму, жечь других или быть повешену» (245). Батюшков нигде не делал выпадов против православной церкви и считал необходимым соблюдать церковные обряды. Рассуждая о нравах цензора, он признавал за ним право сказать: «книга ваша не будет напечатана, потому что вы пишете против обрядов, против религии, против системы, политики...» (240). Он почитал чудотворные иконы, считал время по православным церковным праздникам. Он полагал необходимым изучение проповедников петровского времени, его занимал вопрос о влиянии церковного языка на гражданский и гражданского на духовное красноречие. Поэт признавался неоднократно в любви к Москве, православной столице («я ее люблю, как душу...»), любовался ее Кремлем, монастырями, помнил Святую Русь. Гордился он и Петербургом, детищем Великого царя, второй столицей, также не выведенной за пределы православного просвещения. Особенно сильно патриотические настроения Батюшкова выражены в выдающемся произведении «Вечер у Кантемира», написанном в 1816 году. Биографы указывают на усиление его набожности особенно в последний период жизни, он присутствовал на молебнах и в период заболе-

вания. Вообще в горькие минуты жизни, поэт находил утешение «в теплой вере в Провидение» (Л.Н. Майков).

Батюшков рассуждал о человеке в общефилософском смысле, о его умственных способностях, сердечных влечениях, духовных потребностях. Вместе с тем он мыслил обычно конкретно, писал о своих знакомых, друзьях, родных, таким путем образ человека в его записях приобретал и более определенные, а иногда и индивидуальные черты. Философа занимает человек-гражданин, его нравственные правила. О наиболее важном заявил М.Н. Муравьев, который и процитирован в статье: «Служить отечеству — верховный душ обет. / Наш долг — туда спешить, куда оно зовет». И не требовать наград. Батюшков восхищен: «Здесь каждая мысль может служить правилом честному гражданину» (88—89). Нередко свои мысли автор прозаических заметок адресует именно ему, «честному гражданину» (у него есть еще одно характерное определение — «полезный гражданин»), воспроизводились «правила», которым он должен следовать, а именно: он «пламенно любит отечество, успехи и славу сограждан», в бурные времена безначалия обнаруживает твердость и стойкость, не перебегает с одной стороны на другую, воспитывает в себе «постоянство»; «силы гражданственности основаны на добре». Батюшков выполнял свой гражданский воинский долг и неоднократно вспоминал эпизоды военной жизни, воспроизводил в письмах историю Отечественной войны, победоносный поход русской армии по Европе.

Еще один аспект антропологических размышлений Батюшкова — творческие, поэтические способности личности. Логика такова. Бог сотворил человека. Он Творец «небу и земли, видимым же всем и невидимым», — как гласит Символ Веры. Созданного Им человека наделил творческими способностями. Ценность смертного измеряется его верой во Всевышнего и созиданием (а не разрушением). Высокое назначение человека, о котором постоянно думает Батюшков, та Божественная искра, вложенная в его душу, и есть деятельное добро и христианская вера. Батюшкову нравилось высказывание Карамзина: «Человек создан трудиться, работать и наслаждаться» (262). К лучшим свойствам сердца поэт относил благодарность, прежде всего Творцу, которая побуждает людей помогать ближнему, быть ему защитой и опорой. «Провидению угодно было связать чрез общество все наши отношения к небу» (165). Но больше всего Батюшкова занимает литературная деятельность, которая, судя по его многочисленным высказываниям, тоже имеет высокую цель — постижение Истины, Красоты, Добра. «Характер писателя весь в его творениях» (174). «Творца немудрено отыскать по творению» (194). Батюшков выводил свою

философию творчества, читая, изучая создания великих писателей — Ариосто, Тассо, Петрарку, из русских — Кантемира, Ломоносова, Державина, он высоко ценит М.Н. Муравьева, Жуковского, разглядел будущего корифея в младшем Пушкине. Для творца художественных, литературных ценностей важны добродетели — честность, моральная твердость, сердечная доброта, просвещенность, образованность не только европейская, но и знание отечественной истории и словесности, в том числе и церковной. Особое значение Батюшков придавал языку художественного произведения. Он участвовал, будучи в Арзамасе, в спорах о старом и новом слоге. Являясь защитником «новизны», критиком архаических форм в языке, он порицал в русской речи «грубости», осуждал неряшливость, небрежность поэтического слога, требовал точности, постоянной правки, совершенствования литературной речи. Строгие требования автора к самому себе и снисхождение к погрешностям со стороны читателей — постоянно высказываемые мысли в прозе Батюшкова. В творчество заложено стремление к совершенству, только в таком случае оно достигает своей цели. Мысли поэта — «живи, как пишешь», «пиши, как живешь», — идеи нравственного совершенствования самого творца художественных ценностей логически вытекают из хода его рассуждений в статьях и заметках. Как и Жуковский, Батюшков не отрицает необходимости для писателя быть в обществе, даже в светском, особенно в просвещенном, но нужен для создателя подлинных, достойных произведений ума и сердца «уединенный кабинет», сосредоточенность, углубление в философско-религиозные, нравоучительные, исторические проблемы.

Уже замечено было исследователями, как сочетаются и в теории и в художественной практике Батюшкова классицистические и сентименталистские традиции, но он выходил и за их пределы, создавая свою предромантическую художественную систему.

Приближаясь к выводам, необходимо установить личностный характер философских размышлений Батюшкова, который говорил о человеке, его морали вообще, но применял устанавливаемые принципы к себе, проверял себя, решая, соответствует ли он высоким требованиям. В будто бы загадочном параграфе «N.N.N?» автор труда «Чужое: мое сокровище» заявляет о «странном человеке, каких много!» В конце параграфа раскрывается секрет: этот человек — сам автор Константин Батюшков. Самоанализ выдвинул проблему «белого» и «черного» человека, совмещающихся в личности автора. Если соглашаться с поэтом-философом, следует задуматься над вопросом: кто побеждает в итогах самопознания и самой реальной жизни? Сам автор так охарактеризовал каждого из двух: «Один добр, прост, весел, услужлив,

богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил. Другой человек — не думайте, чтобы я увеличил его дурные качества, право нет <...> злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко: мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия» (269). Еще добавляет: черный человек — «надменнее сатаны», «белый не уступает в доброте ангелу хранителю» (270). В 1817 году, которым датируют это сочинение, болезненные состояния уже проявлялись в Батюшкове. Однако не опровергая истинности его самонаблюдений, некоторые исследователи полагают, что «черный человек» и раньше давал о себе знать. Рассматривая приведенные самонаблюдения, первое, что можно заключить: запись Батюшкова о себе и все-таки для себя (хотя он и обращается к читателю) — это тип исповеди-раскаяния. Ведь «белый человек» «слезами живого раскаяния» «спасает черного»; здесь акт самоспасения через покаяние. Второе, что следует определить: в какой степени «черен» «черный человек»? оказывается, дружба он не в силах очернить, в нем ему «нет места». «Белый» религиозен, но и «черный» — отнюдь не атеист, хотя и надменен, «черный» перед Христом готов стать на колени, вымаливая свои прихоти. Ничего не говорится о том, что «черный человек» творит зло, речь идет только о состоянии души. Иногда создается впечатление, будто Батюшков искусственно нагнетает свои пороки. Поэт стремится сурово осудить себя, он ведь кается. И третье заключение: поэт в итоге все, что написал, погружает в атмосферу шутки: «...эти два человека, или сей один человек, живет теперь в деревне и пишет свой портрет пером по бумаге. Пожелаем ему доброго аппетита, он идет обедать. Это я! Догадались ли теперь?» (271). Как часто бывает у Батюшкова, серьезное сменяется шуткой.

Победил ли «черный» в умонастроениях философа-моралиста? Только в одном, выразительном философском стихотворении он победил: «Изречение Мельхиседека».

Но его письма периода развивающейся болезни наполнены прежними мыслями о любви к отечеству, о чувстве благодарности, о дружеских чувствах, о радости общения с близкими, хотя бы в письмах, о сердечной преданности им; он заявляет, что «совершенно доволен» своей участью.

Ранний этап романтического философствования в России связан, как было отмечено еще И.В. Киреевским, с французскими традициями — меткими, иногда парадоксальными, шутливыми, часто отрывочными высказываниями, разрозненными, но глубокомысленными.

Однако это проявлялось скорее в формах, способах философствования, но не в содержании. В русском романтическом умонастроении преобладают этические проблемы, поставленные по существу серьезно, даже значительно. Они лишены скептицизма французских моралистов. Этика той поры противостоит двум главным оппонентам — эпикурейцам и стоикам, последние осуждены за абсолютизацию ума и недооценку сердечности (духовности), но одобрены за нравственную стойкость и моральную требовательность к человеку.

Раннее русское романтическое философствование у Батюшкова и Жуковского имеет религиозную христианскую основу. У предромантика-Батюшкова она не столько приобрела мистический вид, сколько этический. Этика Батюшкова продумана, выношена в опыте его размышлений, в его поэтическом и прозаическом творчестве и даже отчасти логически выстроена в статье «Нечто о морали, основанной на философии и религии». Уже ранняя романтическая философия устремлена к Священному писанию, Евангельской Истине.

Русское романтическое философствование и на этапе своего становления приобрело личностно-живой, прочувствованный характер, оно объединено с психологическими наблюдениями и самонаблюдениями и имеет христиански человеколюбивое содержание. Оно и лирично, будучи претворено не только в прозе, но и в поэзии, и от нее у предромантика Батюшкова требуется единение с философией.

